

И.А. Бескова

Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения

В статье обозначены истоки скептицизма представителей специальных дисциплин в отношении философских разработок, а также намечены перспективы улучшения положения вещей в этой сфере. Показано, что конкретный вклад философии в становление и развитие современных **нано-био-инфо-когно(NBIC)-проектов может быть связан с формулированием более адекватного подхода к пониманию естественно-интеллектуальной деятельности.** Выявляются слабые места господствующих на сегодняшний день представлений и предлагаются пути их эффективной коррекции. В этой связи исследуется феномен интегрального постижения как ресурс, в большей степени выражающий природу естественного интеллекта, чем то, что раскрывается в акте самонаблюдения и что точнее передается понятием рассудочного понимания.

Ключевые слова: естественный интеллект, мышление, рассудочное понимание, интегральное постижение, телесное, ментальное, позиция наблюдателя, двойственность, недualность

Для вас интеллект является комплексом более или менее совместимых точек зрения, которые вы, в силу своего воспитания, привыкли считать чем-то единым. Суфии считают, что существует более глубокий уровень, являющийся единым, незаметным, но жизненно важным фактором. Это истинный интеллект, являющийся органом понимания и присущий каждому человеку.

Идрис Шах. Знать как знать

В настоящее время вследствие быстро расширяющейся сферы действия нейронаук и растущей области технологических достижений, способных усилить познавательные потенции человека, междисциплинарные вопросы приобретают особое

звучание и все больше привлекают внимание исследователей, осознающих, что движение в направлении объединения усилий жизненно необходимо. Так, президент Нью-Йоркской академии наук Родни Николс (Rodney Nichols) призывает не воспринимать достижения смежных областей как «империалистическую угрозу» собственным интересам, а напротив, рассматривать их как эвристический вызов любому думающему человеку¹. В свою очередь, директор Центра когнитивной свободы и этики (Дэвис, Калифорния), Рай Сентенция (*Wrye Sententia*), **хотя и констатирует** факт имеющегося на сегодняшний день несовпадения представлений и подходов («Когда консервативный креационист встречает радикального трансгуманиста или нейроученый (представитель нейронаук) говорит с философом-спиритуалистом о возрастающей ресурсности (enhancing) познания, более чем вероятно, что их идеи относительно того, что возможно или даже желательно, будут полярны»)², все же указывает на необходимость преодолеть барьеры. При этом он использует достаточно жесткие выражения: чтобы обсудить сложные вопросы, «которые ставят рождающиеся технологии роста человеческого знания, мы должны преодолеть политическое, дисциплинарное и религиозное сектанство»³.

Каковы же современные представления о соотношении естественнонаучного и гуманитарного знания, какими видятся направления сотрудничества в этой области, и, самое для нас интересное, каковы перспективы философии быть услышанной в этом хоре голосов, высказывающих разные позиции по вопросам понимания природы человека в целом и его познавательных способностей в частности?

Один из основателей социобиологии Э.О.Уилсон задается вопросом об отношениях между естественнонаучным и гуманитарным знанием в деле изучения человека, размышляя над тем, разделены ли они непроходимой границей или составляют некое единство: «Существует ли водораздел между двумя великими ветвями исследования?.. Решение, на мой взгляд, в том, что разделение не представляет собой непроходимую линию, да и вообще это, фактически, не линия, а широкая область слабо понимаемых ментальных феноменов, ожидающих совместного исследования, инициированного с обеих сторон.

В течение последних двух десятилетий четыре пограничных территории, берущих свое начало от биологии, начали мостить общую промежуточную область. Это, прежде всего, *когнитивные нейронауки*, также известные как науки о мозге... Вторая граничная дисциплина – *генетика человека*... Третья – *социобиология*,.. изучающая биологический базис и эволюционную историю всех форм человеческого социального поведения. И наконец, *биология среды (environmental biology)*, обеспечивающая более глубокое понимание мира, в окружении которого человеческие виды эволюционировали и к которому оказались исключительно адаптированы как ментально, так и телесно. Со стороны социальных наук дисциплины, участвующие в наведении мостов, включают *когнитивную психологию* и *антропологию*, которые состыкуются с биологическими науками за счет общего характера способов объяснения, увязывающих биологические феномены со сложными формами социального поведения человека... Почему объединение между великими ветвями исследования так важно? Поскольку это обеспечивает осмысление человеческой природы с большей объективностью и точностью, и делает более очевидным то, что является ключевым для понимания человеком самого себя»⁴.

Итак, истоки разграничения познавательных потенций Э.Уилсон видит в том, что существуют области знания, которые пока содержат много неясного, поэтому разделительные линии современной науки, скорее, не линии, а проблематизированные поля. И в этом можно усмотреть основания для осторожного оптимизма в плане оценки перспектив междисциплинарного сотрудничества.

Вместе с тем, кроме выразительного описания тенденций ожидаемого сотрудничества на поле совместного изучения «слабо понимаемых ментальных феноменов», в вышеприведенном авторитетном мнении обращает на себя внимание тот факт, что философия, как центральная дисциплина, занятая комплексным изучением проблем человека, Эдвардом Уилсоном вообще не упоминается. А учитывая степень влияния его идей на умы исследователей, занятых разработкой смежных проектов (достаточно упомянуть, что в июне 2000 г. в США была проведена специальная научная конференция «Единство знания: конвергенция естественных и гуманитарных наук», посвященная анализу и развитию представлений Э.Уилсона относительно эволюции знания)⁵, такое положение

вещей нельзя оставить без внимания. Соответственно, возникает вопрос, с чем связано определенное пренебрежение позицией философии в вопросах, имеющих самое прямое отношение к междисциплинарной стороне ее разработок?

Я полагаю, что некоторые аспекты такого положения вещей станут яснее, если мы вспомним о том, в какой атмосфере зарождалось сотрудничество.

Для ранних этапов соприкосновения философии и естественнонаучных дисциплин на поле изучения природы и закономерностей человеческого познания было характерно довольно скептическое отношение к оценке места и роли «смежников». Нередко представители наук, которым впоследствии предстояло объединить усилия для разработки значимых отраслей современной теории познания, ощущали себя находящимися по разные стороны баррикад. Вот как этот этап характеризует Конрад Лоренц: «Одним из таких общественных факторов стало взаимное презрение. Так, например, неокантианец Курт Лейдер... определял науку как “кульминацию догматической узости мышления”, тогда как мой учитель Оскар Хейнрот дезавуировал философию как «патологическое бездельничание способностей, дарованных человеку для познания природы». Даже те философы и ученые, которые более высокого мнения друг о друге и питают взаимное уважение, не ждут от противоположной стороны какого-либо приращения знания, имеющего существенное значение для их собственной работы, и не считают для себя обязательным даже следить за тем, что происходит по другую сторону забора. Вот так был воздвигнут барьер, препятствующий прогрессу человеческого познания в том самом направлении, где он особенно необходим: в сфере объективного исследования взаимодействия между постигающим разумом и объектом его восприятия»⁶.

Анализируя ту же тенденцию, Герхард Фолльмер отмечает, что ученые боятся забираться в сферу философии, не будучи уверенными в том, что хорошо ориентируются в области теории познания, а философы не глубоко понимают существо проблем и методов современной науки, а также смысл полученных в ней результатов. Он пишет: «В вопросе об эволюции познавательных способностей естествоиспытатели, представленные прежде всего психологами, теоретиками эволюции и этологами, ограничивались в большин-

стве случаев некоторыми общими замечаниями, не отваживаясь слишком глубоко входить в чужую дисциплину – теорию познания. С другой стороны теоретики познания и другие философы учитывали эволюционную позицию весьма редко и поверхностно»⁷.

Итак, мы видим, что при оценке перспектив сотрудничества существенную роль играет то, что сами представители других направлений опасаются углубляться в сферу специальных философских построений, а философы, возможно, не вполне четко артикулируют свою позицию и не достаточно активно ищут область пересечения собственных исследований с тем, в чем «смежники» на данный момент остро заинтересованы.

В этой связи, возможно, одно из наиболее интересных и перспективных предложений прозвучало на прошедшей в феврале 2003 г. в Лос-Анжелесе, Калифорния, NBIC-конференции⁸. А именно, в предстоящую декаду сфокусировать междисциплинарные исследования в области нано-био-инфо-когно-технологий на «человеческом когноте» (“human cognome”). Это, по мнению разработчиков, позволит выйти за пределы исследований мозга в сферу понимания природы человеческого разума в целом. Такую исследовательскую направленность предлагается поддерживать грантами и обеспечить ей уровень приоритетности, сопоставимый с положением NASA в США. «Это может раскрыть, поистине, величайшие возможности, но также и послужит величайшим вызовом для всех, кто работает в сфере NBIC-исследований», – полагает Реджинальд Голледж (Reginald Golledge), директор исследовательской группы по проблемам пространственного познания и выбора Университета Санта-Барбары (Калифорния)⁹. Считая, что вопрос о том, как работает человеческий разум, до сих пор остается *terra incognita*, Р.Голледж отмечает, что необходимо «усиление понимания... того, как наш разум справляется со сложностями процессов переработки информации при осуществлении повседневной активности, такой как взаимодействие с реальным миром»¹⁰. В этой связи Р.Голледж констатирует: «Те, кто окажутся способны внести свой вклад в исследование таких вопросов, как “что представляет собой человеческий ум и как он работает?”, могут прийти практически из любой дисциплинарной области... Хотя различные нейронауки уже начали помогать в исследовании этого вопроса, все еще остаются как физические, так и нефизические компоненты

проблемы, которые нуждаются в изучении. Но чтобы стимулировать такую активность, требуется что-то равновеликое открытию Уотсоном и Криком двойной спирали ДНК»¹¹.

Итак, приоритетным на сегодняшний день для множества дисциплин, объединяющих свои усилия в рамках NBIC-проекта, выступает вопрос о природе естественного интеллекта. Так какой же вклад философия способна внести в развитие этих исследований? Что может помочь представителям частных дисциплин скоординировать их усилия, выбрав при этом верное направление приложения сил? Ответить на эти вопросы будет сложно, если мы не позаботимся о том, чтобы понять логику развития современных представлений о природе естественного интеллекта, и не очертим направление, в котором в данный момент такие исследования движутся.

Динамика современных представлений о природе естественного интеллекта

Исследование различных аспектов естественно-интеллектуальной деятельности долгое время осуществлялось в рамках традиционных, классически-рационалистических подходов к решению mind-body problem. Ранние варианты предлагаемых решений характеризовались преувеличенным акцентированием интеллектуальной составляющей познавательной и мыслительной активности, в результате чего процесс решения задач превращался в такой, который осуществлялся одной «большой, обремененной постоянным размышлением головой», к которой прилагалось малозначимое и ничего не решающее в плане протекания перцептивной и интеллектуальной активности тело. Понятно, что для подобной установки компьютерная метафора (согласно которой работа естественного интеллекта может быть вполне адекватно описана ссылкой на процессы, разворачивающиеся в ходе обработки информации вычислительными устройствами) оказывалась вполне подходящим средством выражения механизмов функционирования человеческого разума.

Важной вехой в формировании современных представлений о природе интеллектуальной активности явился начавшийся в эпистемологии с 60-х гг. XX в. «когнитивный поворот», когда

для понимания процессов познания стали широко привлекаться теоретико-информационные метафоры. В это время в мире начали издаваться журналы¹² и выходить многотомные издания¹³, посвященные этой проблематике. Современную постановку вопросов обычно связывают с именем Ульриха Найссера, опубликовавшего в 1967 г. книгу «Cognitive Psychology», которая стала в определенном смысле программной. В целом можно сказать, что исследования, осуществляемые в рамках когнитивного подхода, объединены тематикой (анализ различных аспектов мыслительной деятельности индивида), широким использованием экспериментальных данных, а также достаточно общим представлением о значимости для понимания человеческого интеллекта методов, разрабатываемых в рамках теории информации, современной структурной лингвистики и компьютерных наук.

Информационные модели понимания естественного интеллекта основываются на провозглашенном еще Норбертом Винером уподоблении информационных процессов у животных, людей и вычислительных устройств. Действительно, определенные аналогии могут быть обозначены, однако это не означает, что на этой основе допустима расширенная экстраполяция языка, средств и методов, пригодных для понимания искусственного интеллекта на сферу естественно-интеллектуальных процессов. В частности, выяснилось, что в этом случае возникают трудности логико-методологического и теоретического характера: парадокс гомункулуса, экстенциональное выражение интенциональных по своей сути феноменов, регресс в дурную бесконечность и пр.

Осознание подобного рода трудностей обусловило нарастание убежденности в том, что мыслительный процесс не может быть достаточно адекватно моделирован как исключительно интеллектуальный, осуществляемый в отрыве от всего богатства человеческой экзистенции, да к тому же еще довольно механистически толкуемый. Идеи Витгенштейна о непрерывной открытости контекста пропозиционального знания, Хайдеггера о Dasein, Шютца – о неизбежно имплицитном, не подвергаемом сомнению «здравом смысле», который непрерывно реорганизует себя с точки зрения требований текущей ситуации, Баарса – об имплицитном контексте текущего осознания, Сёрля о «подоплеке» и др.¹⁴ – дают представление о степени подлинной слож-

ности задачи, связанной с установкой на поиск точных средств выражения столь сложных (зачастую нечетких, мультивариантных и многофакторных) процессов. Г.Хант отмечает: «Мы не можем в явном виде сформулировать такую подопку. А если попытаемся, то получим нечто вроде Dasein Хайдеггера – “правило” которого состоит в экзистенциальной открытости миру. Подразумеваемый здравый смысл невозможно полностью определить, поскольку приближение к такого рода формальной вычислимости должно сразу же создавать у самоотносительного, самоописывающего, символизирующего существа новую подразумеваемую подопку понимания. Совершенно неясно, как с такого рода непрерывной реорганизацией могли бы справиться и недавно предложенные модели интерактивного, нерепрезентативного искусственного интеллекта... Как подчеркивают Дрейфус и Сёрль, трудно представить подобную непрерывную перестройку контекста в качестве любой вычислительной системы, тем самым не утратив самую сильную сторону формальных или экспертных систем, состоящую в их способности к поразительно сложным алгоритмам, основывающимся на правилах»¹⁵.

Таким образом, современные исследования доказывают ограниченную применимость компьютерных метафор для понимания природы естественно интеллекта. Тем не менее нельзя не признать, что в рамках данной парадигмы удалось достичь выдающихся практических результатов по разработке инновационных технологий решения интеллектуальных задач, а также приемов и средств машинного перевода. Безусловно, это огромное достижение, которое не может и не должно быть преуменьшено.

Новейшие данные когнитивных наук (неклассической эпистемологии, когнитивной психологии, психологии развития, эволюционной биологии, философии медицины) дают возможность взглянуть на некоторые аспекты естественного интеллекта как образования, самым тесным образом соотношенного с биологическим, природным в человеке. Современные разработки в области социобиологии позволили увязать изучение интеллекта с генетической составляющей, определив более тонкие механизмы опосредований и, вместе с тем, наметив более плотные увязки в этой сфере, чем это делалось ранее. Так, в научный оборот были введены понятия генно-культурной коэволюции, культургена, эпигене-

тических правил, определяющих то, какие именно из теоретически доступных сценариев развертывания будущих решений будут практически реализованы¹⁶.

Феноменология интегрального постижения¹⁷

Я чувствую, что в темной глубине
мой парусник на что-то натолкнулся
огромное...

И только. Ничего
не происходит! Волны... Тишина...

А если все уже произошло
и, безмятежных, нас переменяло?

Хуан Рамон Хименес

Упомянутый поворот в понимании природы человеческого разума – по отношению к доминировавшей ранее компьютерно-информационной парадигме – выступает как созвучный лейтмотиву феноменологической трансформации миропонимания: а именно, переходу от учета всеобщего, обезличенного, ситуативно-нейтрального, основанного на идеализированном выделении универсальных зависимостей, – к изучению индивидуального, лично-окрашенного, неповторимого и обусловленного всей историей формирования данного конкретного индивида. В результате такого поворота на всеобщее удалось взглянуть сквозь призму единичного, ситуативно и лично обусловленного в процессах конституирования и трансформации смыслов, которыми человек задает свой жизненный мир, делая его пригодным для решения как творческих, так и повседневных задач.

Возвращаясь к оценке современного состояния исследований естественного интеллекта, я бы сказала следующее. Представители специальных дисциплин в своих изысканиях опираются на стихийно сформировавшееся представление о природе естественно-интеллектуальной деятельности, которое берет истоки в их собственном интроспективном опыте. Эти ощущения-переживания подкрепляются данными когнитивных и нейронаук, полученными в ходе экспериментального изучения мыслительных и перцептивных процессов. Но как интроспекция, так и исследование другого человека, *знающего, что он выступает объектом*

наблюдения, влекут изменение режима функционирования ума изучаемого, заставляя недуальный и целостный по своей природе феномен демонстрировать характеристики двойственности. И тем самым, принципиальным образом видоизменяют картину реально происходящих в ходе естественного функционирования интеллекта процессов. Именно в подобном ключе трансформированный образ, подкрепленный данными экспериментальных разработок, выступает как целевой объект изучения, ресурсы анализа которого отбираются в соответствии с задачей моделирования та́к понимаемого объекта.

Иными словами, ученые имеют верное представление о работе естественного интеллекта *в режиме двойственного функционирования ума*, но совершают неверный шаг, полагая, что экстраполяция этих представлений на понимание природы ума в целом дает пусть и неполное, но все-таки достаточно верное приближение к интересующему феномену. А это не так: вне позиции наблюдателя человеческий ум функционирует принципиально иначе¹⁸. Но знать этого *в опыте самонаблюдения мы не можем*: как только попытаемся это отследить, – даже раньше, как только поставим перед собой такую задачу, – мы исключим возможность ее решить, поскольку безвозвратно утратим то, на исследование чего нацелились, – а именно, недуальный ум «в его таковости», вне позиции наблюдателя. Понятно, что при таких условиях задача создания точных средств моделирования естественного интеллекта является внутренне противоречивой и ни при каких условиях не будет решена. В этой связи приходят в голову слова Эйнштейна, которые цитирует Р.Николс (правда, по другому поводу): «Мы должны сделать вещи настолько простыми, насколько это возможно, но не проще»¹⁹. На мой взгляд, понимание природы естественно-интеллектуальной деятельности как такой, основу которой составляет функционирование ума в режиме двойственности, как раз и оказывается подобным избыточным упрощением, которого следует избегать.

Как же в таком случае поступить? Ведь даже если согласиться с тем, что а) мы действительно экстраполируем наше представление о природе и функциях естественного интеллекта, извлекаемых в *одном* из режимов его функционирования на весь объем интересующего нас явления, и б) это действительно связано с тем, что

нам доступно лишь восприятие с позиции двойственности, то что же дальше? Мы ведь все равно не можем осуществить самонаблюдение, не изменив при этом наблюдаемое именно таким образом, который и делает его адекватное восприятие недостижимым?

Полагаю, задача может быть решена на пересечении двух векторов. Первый: признание того, что известное по опыту исследования и интроспекции искажает подлинно имеющееся. Однако же, что очень важно, – искажает в *предсказуемом* ключе. Как сказал Дж. Кришнамурти, когда вы видите иллюзию как иллюзию, на краткий миг вы оказываетесь в реальности.

И второй: можно «вычислить» свойства недуального ума, подобно тому, как астрономы «на кончике пера» обнаруживают планеты по характеру привносимых ими искажений в движение наблюдаемых объектов. Иными словами, следует попытаться понять, каким естественный интеллект просто не может не быть при условии, что, если в его восприятие привносится фильтр двойственности, он предстает как такой, каким мы его знаем из опыта самонаблюдения.

Я полагаю, что человек – это *единое целостное пространство жизни*, у которого могут быть разные модусы: сна и бодрствования, вдохновения и рутинности, спонтанного и распланированного, общего для всех и неповторимого, глубоко личностного, – но само это пространство нераздельно. Лишь в теоретических построениях можно отделить, оторвать один модус от другого, одну опцию от другой, сделав их объектом специального изучения. А жизнь – как процесс – не предполагает и не допускает такого разделения: человек живет *всем своим существом*, как целостность тела-духа, тела-души, тела-разума, тела-чувства.

В нашей культуре, к сожалению, отсутствует общее понятие, выражающее целостное, недуальное состояние жизненности. Но если мы хотим говорить о подобного рода феноменах, нам требуется осуществлять отсылку к ним. С этой целью я буду использовать понятие *интегральной телесности*, подразумевая тот субстрат единого целостного пространства человеческой экзистенции, который реализуется в каждом конкретном познающем существе и представляет собой недуальную целостность <ум-тело>. Именно к такому пространству применима метафора «жизнь как познание». Именно для такого пространства связка <жизнь-познание> предстает во всем богатстве переплетения свойств и отношений воплощенности по-

знавательных импульсов – в отличие от того рафинированного, искусственно отфильтрованного и преобразованного в соответствии со стандартами дуального мировидения, идеализированного продукта, с которым мы сталкиваемся в теоретических построениях и который как раз и дает основания специалистам в области искусственного интеллекта задаваться вопросами, а могут ли компьютеры мыслить, чувствовать, заменят ли они когда-нибудь собой людей и т. п. Потому что схоластизированное мышление, обеспечиваемое исключительно «головой» – да еще и в форме, которая выглядит вполне подходящей, когда телесная составляющая полностью отброшена, – такой процесс познания действительно близок к машинному, и действительно дает основания для вышеперечисленных ожиданий. И только если мы в полной мере отдаем себе отчет в том содержании, которое стоит за метафорой «познание как жизнь», мы можем считать, что приняли на себя ответственность за рассмотрение естественно-интеллектуальных процессов в их подлинной сложности: как многомерных, многогранных и многоплановых, тысячами нитей связанных со всей полной человеческой экзистенции.

Считаю необходимым обозначить следующий принципиальный момент. На мой взгляд, специфика достигаемого в познавательном акте результата (имеется в виду, глубина проникновения в существо воспринимаемого) напрямую зависит от того, осуществлялось ли взаимодействие с объектом интереса на интегрально-телесном или «умственном» уровне. Иными словами, от того, какой уровень взаимодействия с привлекавшей внимание человека ситуацией был достигнут: состоялось ли понимание, так сказать, всем существом человека или же это было осмысление «на уровне головы»? Первое я назову *интегральным постижением*, второе – рассудочным пониманием. Попробуем разобраться в том, чем они отличаются.

До сих пор и в эпистемологии, и в методологии науки гораздо большее внимание уделяется последней форме когнитивных процессов. Это проявляется не столько в явном постулировании соответствующего тезиса («Для понимания природы познавательного акта достаточно сконцентрироваться на процессах, происходящих в уме»), сколько в том, что тема телесной воплощенности разума, телесной обусловленности восприятия, того, какие пласты реального объективно окажутся открыты к взаимодействию с данным конкретным индивидом, продолжает оставаться в лучшем случае

на второй линии исследовательского интереса (за исключением работ, осуществляемых в рамках телесно-ориентированного подхода). И это до какого-то момента методологически оправданно. Дело в том, что в обычных условиях среднестатистический представитель технократической культуры имеет дело с познанием преимущественно в форме деятельности ума и в тех его выражениях, которые мы привычно связываем с понятием рассудка: последовательное и разностороннее изучение свойств объекта, формирование на данной основе гипотез о тех причинах, которые такие свойства обуславливают, сопоставление этих свойств со свойствами других объектов, проверка гипотез, формулирование теорий, позволяющих объяснить некоторые из выявленных характеристик, сопоставление таких теорий с другими, имеющимися на данный момент в системе знания и пр. Безусловно, это необходимый и полезный этап. Однако фокус в том, что для глубинного понимания имеющегося он недостаточен. Особенно отчетливо это видно на примере познавательных процессов, связанных с решением творческих, а не рутинных, задач. Как известно, в этих случаях наряду с этапами, на которых осуществляется осознанное оперирование информацией (сбор и осмысление данных по проблеме, проверка гипотез, выведение следствий), с необходимостью присутствуют этапы инкубации идеи и озарения, где ключевую роль играют процессы, разворачивающиеся бессознательно. Последние как раз и осуществляются с опорой на недуральную целостность <ум-тело>, когда воспринимаемое и осмысливаемое затрагивает не только «голову» человека, но, по сути, *захватывает всё его существо целиком*.

Имеет смысл выделить два фактора, обуславливающих степень эффективности познавательного усилия индивида:

– во-первых, это то, насколько полно он готов отождествиться с воспринимаемым;

– и во-вторых, – то, насколько тонким, точным и богатым инструментом выражения собою динамик воспринимаемого человек способен быть.

Таким образом, ключевые слова здесь: *готовность* стать чем-то отличным от тебя самого и *способность* стать им максимально полно и точно. Но как человек может *стать* чем-то кроме себя самого? Как на деле осуществляется снятие барьера инаковости и отказ от позиции наблюдателя по отношению к объекту интереса?

Вот как об этом говорит Д.Т.Судзуки:

«Можно задаться вопросом, как художник углубляется в дух изображаемого? (Речь идет об изображении гибискуса, созданном в XIII в. Моккеем (Му-цзи) и считающемся национальным достоянием Японии. – И.Б.) ... Секрет в том, чтобы стать растением. Но как человек может стать растением?... На практике это достигается посредством интроспективного рассмотрения растения. При этом сознание должно быть полностью свободно от субъективных эгоцентрических мотивов. Оно становится созвучным Пустоте, или *таковости*, и тогда человек, созерцающий объект, перестает осознавать себя отличным от него и отождествляется с ним. Это отождествление дает возможность художнику чувствовать пульсацию жизни, которая проявляется одновременно в нем и в объекте. Вот что имеют в виду, когда говорят, что субъект теряет себя в объекте и что не художник, а сам объект рисует картину, овладевая кистью художника, его рукой, его пальцами»²⁰.

Внутреннее погружение в недвойственное состояние, достигаемое за счет стопроцентной концентрации на объекте интереса, позволяет убрать границы, разделяющие человека и мир. Об этом красноречиво свидетельствует создатель нового направления в методологии самосовершенствования Толли Бёркен:

«Когда мы полностью фокусируемся на происходящем, все наши мысли заняты только настоящим, мы не думаем о том, что было, или о том, что будет. В момент полного сосредоточения человек не сравнивает переживаемое событие с какими-либо другими, ведь любая попытка сравнения сразу же заставит его ум отвлечься и внимание рассеется. Когда вы научитесь быть настолько внимательными, не останется ни одной части вашего сознания, которая должна наблюдать за вами или осознавать, что с вами что-то происходит. Вы целиком *станете* тем, что переживаете в данный момент»²¹.

Аспекты, касающиеся готовности и способности субъекта в акте снятия разграничительных барьеров между ним и объектом постижения *стать* (в вышеуказанном смысле) последним, представляют собой достаточно тонкие моменты. Дело в том, что воспринимаемое далеко не всегда способно доставить удовольствие. Нередко – особенно если речь идет о решении творческих задач – неотъемлемыми составными частями осмысливаемого выступают неполнота, противоречивость, неопределенность проблемной ситуации. А ведь известно, что принятие решений в таких условиях дается человеку весьма нелегко и переносится плохо²². И это только то, что касается *познавательных* характеристик перерабатываемого

материала. Что уж говорить о прямых негативных *эмоциональных* импульсах, которые могут сопровождать поступление информации, имеющей для человека травмирующее значение! Поэтому перспективы осуществления интегрального постижения в познавательном процессе могут быть осложнены необходимостью использовать недualную целостность <ум-тело> для репрезентации ее ресурсами вызывающих отторжение или же сложно переносимых содержаний. И поскольку в акте интегрального постижения происходит снятие барьера инаковости по отношению к воспринимаемому, состояние человека может оказаться весьма дисгармоничным, а в какие-то моменты (например, до достижения озарения) и труднопереносимым. Вот, в частности, почему творческие потенции людей могут различаться, даже если изначально генетическая предрасположенность к творчеству была бы равной или близкой по значению. Просто один обладает достаточным мужеством, куражом и решимостью для того, чтобы предоставить ресурсы собственного пространства жизни для выражения собою даже и травматических содержаний, а другой – в силу разных причин или обстоятельств – имея сходные или близкие креативные потенции, предпочитает воздержаться от подобного насилия над собой. И это одна из причин того, почему в числе характеристик творческой личности фигурирует такой ресурс как мужество, кураж.

Весьма показательны в этом отношении слова Д.Маккиннона, которые психологически точно и лаконично характеризуют одаренного человека: «Главное для творческой личности – это кураж²³, кураж разума и духа, психологический и духовный. Кураж быть разрушительным для созидания нового, кураж быть открытым восприятию изнутри и извне, кураж следовать интуиции, а не логике, кураж вообразить невозможное и попытаться реализовать его. Кураж думать так, как не думал никто. Кураж стоять в стороне от коллективности и конфликтовать с нею, если это необходимо, кураж становиться и быть самим собой»²⁴.

Таким образом, человек, проявивший способность к раскрытию своего творческого потенциала, должен обладать немалой степенью отваги, которая является оборотной стороной его способности идти навстречу стрессу, риску и даже неприятным переживаниям, лишь бы полнее постичь то, что оказывается в сфере его интереса. Рискуя в этом процессе собственным вну-

тренним комфортом, такой человек склонен проявлять и то, что крупнейший советский физик Петр Капица назвал свободой непослушания: «Гений обычно проявляется в непослушании... Непослушание есть одна из неизбежных черт, появляющихся в человеке, ищущем и создающем всегда новое в науке, искусстве, литературе, философии»²⁵.

Итак, готовность идти до конца, дать *право быть* в пространстве собственной экзистенции любого рода содержаниям, в том числе и тем, которые дисгармонизируют внутреннее состояние, решимость предоставить ресурсы собственной интегральной телесности для репрезентации подобного рода содержаний, – всё это выступает оборотной стороной способности и склонности отказываться от барьера инаковости, разделяющего человека и объект его интереса, сливаясь с ним в акте интегрального постижения.

Всё вышеизложенное дает представление о том, почему восприятие естественного интеллекта как такой формы активности, которая достаточно полно соответствует понятию рассудочной деятельности, никуда не годится. Попытка положить в основу понимания естественного интеллекта как опыт наблюдения за работой собственного мыслительного аппарата, так и результаты экспериментальных исследований, в которых испытуемые *знают, что выступают объектом наблюдения*, искажает подлинный характер феномена. Более того, сама задача наблюдения за работой естественного интеллекта является логически противоречивой, потому что установление режима наблюдения разрушает то, что должно было бы стать объектом наблюдения.

Проведенный анализ позволяет понять сложную систему увязок, соотносящих естественно-интеллектуальную активность со всей полнотой человеческой экзистенции, включая его жизненную позицию, а также способность и склонность практиковать интегральное постижение в своих познавательных стратегиях. Всё это показывает, насколько понимание естественного интеллекта как чисто умственного, рассудочного феномена искажает подлинную сложность происходящего в познавательном процессе. Исследование подсказывает, в каком направлении имеет смысл двигаться, чтобы совершенствование средств анализа не превратилось в самоцель, оставив в стороне задачу моделирования естественного интеллекта в его подлинной сложности.

Примечания

- ¹ *Nichols R.W.* Opening Remarks // *Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences* / Ed. by Antonio R. Damasio et al. N.Y., 2001. P. X.
- ² *Sententia W.* Cognitive Liberty and Converging Technologies for Improving Human Cognition // *The Coevolution of Human Potential and Converging Technologies* / Ed. by Mihail C. Roco and Carlo D. Montemagno. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 1013. N.Y., 2004. P. 221.
- ³ *Ibid.* P. 222.
- ⁴ *Wilson E. O.* How to Unify Knowledge / *Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences*. N.Y., 2001. P. 13–14.
- ⁵ И в частности, по работе *Wilson E.O.* *Consilience: The Unity of Knowledge*. N.Y., 1998.
- ⁶ *Лоренц К.* По ту сторону зеркала // *Эволюция. Язык. Познание*. М., 2000. С. 57.
- ⁷ *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998. С. 212.
- ⁸ NBIC Convergence 2003: *Converging Technologies for Improving Human Performance*. February, 2003. Los Angeles, California.
- ⁹ *Golledge R.G.* Multidisciplinary Opportunities and Challenges in NBIC // *The Coevolution of Human Potential and Converging Technologies*. N.Y., 2004. P. 208.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 210.
- ¹¹ *Ibid.* P. 207–208.
- ¹² *Cognitive Psychology, Cognition, Cognitive Science, Memory and Cognition* и др.
- ¹³ *Cognitive theory* (Hillsdale, Erlbaum). 3 vol; *Handbook of learning and cognitive processes* (Hillsdale). 6 vol; **серия книг под редакцией Solso R.L.: Contemporary issues in Cognitive Psychology (1973); Information processing and Cognition (1975); Theories in cognitive psychology. The Loyola symposium. Potomac, 1974; Cognitive psychology. N.Y.–L., vol. 15 (1983), vol. 16 (1984), vol. 17 (1985); Cognition and emotion (Hove etc. Erlbaum), vol. 1 (1987), vol. 2 (1988); The Foundations of Cognitive Science. The MIT Press, 1989; An Invitation to Cognitive Science. Bradford Books, 1990. 3 vol. Set; Bruner J. Acts of Meaning. Harvard Univ. Press, 1990. Выходили также отечественные и переводные работы, посвященные той же проблематике. См., напр.: *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982; *Хофман И.* Активная память. М., 1986; *Норманн Д.* Память и научение. М., 1985; *Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума*. М., 1986 и др.**
- ¹⁴ См.: *Preston B.* Heidegger and artificial intelligence // *Philosophy and Phenomenology Research*. 1993. № 53. P. 43–69; *Vaars B.* A cognitive theory of consciousness. Cambridge, 1988; *Searle J.* The rediscovery of the mind. Cambridge, 1992; *Schutz A.* On multiple realities // *Collected Papers of Alfred Schutz*. Hague, 1962. P. 207–259 и др.
- ¹⁵ *Хант Г.* О природе сознания: с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М., 2004. С. 113–114.

- ¹⁶ Видные представители этого направления Э.Уилсон, Ч.Ламсен, А.Гушёрст, М.Рьюз, – см., напр., *Lumsden Ch.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. Synthese library. Dordrecht, 1985. Vol. 180. P. 3–31.*
- ¹⁷ Параграф подготовлен при поддержке гранта РГНФ №13-03-00122а «Феноменология смысла: когнитивный анализ».
- ¹⁸ В пользу такого вывода говорят многочисленные свидетельства людей, сумевших в собственном опыте преодолеть двойственность само- и миропонимания.
- ¹⁹ Цит. по: *Nichols R.W. Opening Remarks // Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences. N.Y., 2001. P. X.*
- ²⁰ *Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, 1996. С. 43–44.*
- ²¹ *Бёркен Т. Экстремальная духовность. Потрясающее путешествие за внутренне-границы. Киев–М., 2004. С. 136–137.*
- ²² *Posner M. Cognition: An Introduction. Scott. Illinois, 1973; Млодинов Л. (He)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью. М., 2010.*
- ²³ В данном контексте выражение «мужество» явилось бы не вполне адекватным для перевода английского «*courage*», содержащего некоторый дополнительный оттенок в характеристике состояния духа. Поэтому я **использую термин** «кураж».
- ²⁴ *Mackinnon D.W. Creativity: A multi-faceted phenomenon // Creativity. A discussion at the Nobel Conference. L., 1970. P. 29.*
- ²⁵ *Кануца П.Л. О творческом непослушании // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 82.*

References (transliteration)

- An Invitation to Cognitive Science. Bradford Books, 1990. 3 vol. Set.
- Baars B. A cognitive theory of consciousness. Cambridge, 1988.*
- Biorken T. Extremaalnaja duchovnostg. Potriasajuschee puteshsestviye za vnutrennije granitsy. Kiev: Sophija; M.: ID «Sophija», 2004.*
- Bruner J. Acts of Meaning. Harvard Univ. Press, 1990.*
- Cognition and emotion (Hove etc. Erlbaum) Vol. 1 (1987), vol. 2 (1988). Cognitive psychology. N.Y., L., vol. 15 (1983), vol. 16 (1984), vol. 17 (1985). Cognitivnaja psichologija: Materialy finsko-sovetskogo symposiuma. M., 1986.
- Follmer G. Evolutsionnaja teorija poznaniya: vrozhdennyje struktury poznaniya v kontexte biologii, lingvistiki, filosofii I teorii nauki. M.: Russkij Dvor, 1998.*
- Golledge R. G. Multidisciplinary Opportunities and Challenges in NBIC // The Coevolution of Human Potential and Converging Technologies. N.Y.: New York Academy of Sciences, 2004.*

Hant G. O prirode saznanija: s cognitivnoj, fenomenologičeskoj i transpersonalnoj toček zrenija. M., 2004.

Hofman I. Aktivnaja pamiatg. M., 1986.

Kapitsa P.L. O tvorčeskom neposlushanii // Nauka i zhizng. 1987. N 2. C. 82.

Lorenz K. Po tu storonu zerkala // Evolutia. Jazych. Poznanie. M.: Jazychy ruskoj kultury, 2000.

Lumsden Ch.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. Synthese library. Dordrecht, 1985. Vol. 180. P. 3–31.

Mackinnon D.W. Creativity: A multi-faceted phenomenon // Creativity. A discussion at the Nobel Conference. L., 1970. P. 29.

Mlodinov. L. (Ne)sovershennaja sluchajnostg. Kak sluchaj upravliaet nashej zhiznju. M.: Livebook / Gajatry, 2010.

NBIC Convergence 2003: Converging Technologies for Improving Human Performance. February. Los Angeles (California), 2003.

Nichols R. W. Opening Remarks // Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences (ed. by Antonio R. Damasio et al.). N.Y.: The New York Academy of Sciences, 2001.

Normann D. Pamiatg i nauchenije. M., 1985.

Posner M. Cognition: An Introduction. Scott. Illinois, 1973.

Preston B. Heidegger and artificial intelligence // Philosophy and Phenomenology Research. 1993. N 53. P. 43–69.

Schutz A. On multiple realities // Collected Papers of Alfred Schutz. Hague, 1962. P. 207–259.

Searle J. The rediscovery of the mind. Cambridge, 1992.

Sententia W. Cognitive Liberty and Converging Technologies for Improving Human Cognition // The Coevolution of Human Potential and Converging Technologies / Ed. by Mihail C. Roco and Carlo D. Montemagno. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 1013. N.Y.: New York Academy of Sciences, 2004.

Sudzuki D.T. Mysticism: christianskij i buddistskij. Kiev, 1996.

The Foundations of Cognitive Science. The MIT Press, 1989.

Theories in cognitive psychology. The Loyola symposium. Potomac, 1974.

Velichkovskij B.M. Sovremennaja cognitivnaja psihologija. M., 1982.

Wilson E. O. Consilience: The Unity of Knowledge. N.Y.: Knopf, 1998.

Wilson E. O. How to Unify Knowledge // Unity of Knowledge: the Convergence of Natural and Human Sciences. N.Y.: The New York Academy of Sciences, 2001.